

Крючок

Я ПРОЛЕЗ ДВЕ ТРЕТИ ПУТИ ВВЕРХ ПО СТЕНЕ, как вдруг пошел мокрый снег.

На ветру черная плитка покрылась льдом. Мои пальцы онемели. Из носа текло. Вытереть нос было нечем — для этого нужна свободная рука. Съехать вниз тоже не вариант — там 170 метров с лишним, а у меня не было с собой веревки такой длины. И ведь, главное, я распланировал все до мелочей и все предусмотрел, но каким-то образом умудрился забыть о погоде! И тут на тебе.

Порывом ветра меня чуть было не сорвало со стены. Я изо всех сил вцепился пальцами в щель между плитками. Ветер снова стих.

Нормальный человек подождал бы до июня — но нет, мне, кретину этакому, понадобилось лезть сюда в марте. Почему? Да нипочему — все же было уже готово, а ждать я, какая штука, не умею. Я тщательно изучил стену, разработал всю систему страховки, а дальше просто поставил крестик в календаре. А так, если назначенный день пропустишь, — кто его знает, может, я и вовсе не полезу. Вообще-то, чтобы отговорить себя от такой затеи, немно-

го надо. Поэтому-то шесть с лишним миллиардов людей спокойно сидят дома, в то время как один...

— Кр-р-р-р-р-р-р-р-р-ретин! — заорал я сам на себя.

Так, что у нас с вариантами?

Вариант № 1: долезть до конца. До верха остается 90 метров, то есть около сотни шагов (лезу-то я, конечно, на руках, но как это еще назвать?). Вопрос, не отвалятся ли на таком холоде пальцы.

Вариант № 2: лезть вниз. Те же 170 метров, что я уже пролез вверх, две с половиной сотни шагов теми же облещенными пальцами.

Вариант № 3: ждать спасателей. Ага, щас. Это даже не вариант. Я же никого не предупредил, никто не знает, что я сейчас на стене. К утру (это если кому-нибудь придет в голову поглядеть вверх) на стене вместо меня будет красоваться ледяная горгулья. А если я при этом еще каким-то макаром выживу, то на стену заберется мама — с тем чтобы скинуть меня оттуда вниз лично.

Хорошо, раз так, продолжаем лезть вверх.

Пришлось двигаться аккуратно, подтягиваясь, только когда стихал жуткий ветер. По мере того как я поднимался, порывы делались все чаще. Снег превратился в град; я полз по стене словно сквозь рой ледяных ос. Но худшее ждало меня метрах в десяти от вершины, в каких-то вшивых пятнадцати шагах!

Я остановился немного отдохнуть, переждать, пока молочная кислота не перестанет есть мне плечи. Дышал через рот — устал, да еще мне и просто было страшно. Сказал себе, что вот сейчас отдышусь — и последний рывок.

Пока я отдыхал, меня окутал туман. Вершина здания пропала из виду — ну да туда ей, что называется, и дорога. Когда ты устал и дрожишь от ужаса, десять метров кажутся парой футбольных полей, что отрицательно сказывается на боевом духе. А на стену как лезут? Шаг, затем еще

шаг, затем еще, и так далее. Думать больше чем на шаг вперед нельзя — можно растерять решимость, а на вершину тебя заводит в первую очередь именно она, а уж потом навыки скалолазания и мышцы.

Наконец я сумел снова заставить себя дышать кое-как через нос, из которого продолжало отчаянно течь. Можно сказать, я не дышал, а фыркал — каждый второй вдох все-таки шел через рот.

Ну вот, ура, сказал я себе. Еще пятнадцать шагов — и мы у цели!

Я потянулся к следующей щели в стене и неожиданно столкнулся с небольшой проблемой. Ну, небольшой — это как посмотреть...

Оказалось, что, пока я выдыхал в облаке, правое ухо и щека примерзли к стене.

Как я уже говорил, чтобы долезть до самой крыши, нужны решимость, накачанные мышцы, опыт многих лет тренировок. Все это надо захватить с собой. А еще с собой не помешает захватить...

ЛИЦО!

Которое плотно пристало к стене, словно прибитое гвоздями, и, не скроем, известная его часть на ней и осталась — после того как я набрался решимости резко его от стены оторвать. Едва я сделал это, решимость сменилась яростью, я едва не лопался от злости. Впрочем, это-то мне и было нужно, чтобы все-таки завершить восхождение.

Ох, как я был зол! Каждый шаг сопровождался отчаянными ругательствами. Когда до крыши здания оставалось чуть более метра, я остановился. Что, может, покрасить это каменное чудовище кровью? Да ладно тебе. Я вынул из рюкзака трафарет с горой (ну да, я понимаю, так нечестно, но чтобы рисовать по-настоящему, нужны обе руки, а на стене это, сами понимаете, не вариант), приклеил его на стену и залил синей краской из баллона.

И тут откуда ни возьмись у меня за спиной появился вертолет и чуть не сдул меня со стены.

— Вы арестованы! — перекрикивая шум винтов, раздался из динамиков голос.

Я посмотрел вниз. Винт разогнал туман. Впервые за последний час я сумел разглядеть внизу, с крыши почти трехсотметрового небоскреба, улицу.

Рядом с мной нарисовалась черная веревка. С крыши на меня смотрели, перегнувшись через парапет, двое незнакомых людей. Лица одновременно озабоченные и сердитые.

— Давай хватай веревку!

Еще чего! Мне остался всего метр с хвостом до цели! Я полез вверх.

— Веревку хватай, говорят тебе!

Я долез доверху и лег подбородком на парапет. Они схватили меня за плечи, завели руки за спину и застегнули на запястьях наручники. Одеты в форму отряда быстрого реагирования, на головах — бейсболки нью-йоркской полиции. Плюс оказалось, что их там не двое, а черт-те сколько.

Один из спецназовцев наклонился и тихо сказал мне в самое ухо — окровавленное, то, что примерзло к стене:

— Парень, ты каким местом думал, когда сюда полез?

Затем резко поставил меня на ноги и передал обычным полицейским.

— Так. Срочно везем этого недоумка в неотложку.

Швы и каталажка

ПЕРВЫЙ НАСТОЯЩИЙ ШОК я испытал, выйдя из лифта: едва открылись двери, меня ослепили вспышки фотокамер. Целая толпа журналистов. Почему? Откуда они взялись тут? Когда успели? Я же еще десять минут назад был на стене...

- О, да парню и шестнадцати нет!
- Как вас зовут?
- Смотрите, кровь!
- Зачем вы это сделали?
- Вы сумели долезть до самого верха?

Я не стал отвечать на их вопросы. Что уж там, я даже смотреть на журналистов не стал. Тут ведь вот какая штука. Самый смак в граффити — не качество исполнения, а загадка, как это сделали.

Какой-нибудь пассажир метро проезжает каждый день мимо запасных путей и видит там забытый состав, семнадцать грузовых вагонов. Месяц за месяцем они стоят, одинаковые и непримечательные, и вдруг в один прекрасный день пассажиры лицезреют их изукрашенными от крыши до колес яркими граффити. Водитель каждый день много лет подряд проезжает под одним и тем же виадуктом

и вдруг в один прекрасный день замечает, что весь бетонный потолок изукрашен непонятными ярко-оранжевыми и зелеными знаками.

Как это сделали?

Возвели леса?

За одну ночь сначала возвели леса, покрасили, потом разобрали?

Сколько людей принимало в этом участие?

Куда смотрела полиция?

И вообще, за каким дьяволом?

Вот за этим самым дьяволом. Ради загадки. Ради того, чтобы прохожие долго ломали себе голову. И, скажу я вам, отчаянно жаль, что граффити, сделанных ради загадки, так мало.

Мои голубые вершины были не бог весть какой величины, но зато я оставил их в таких местах, где их вообще, может быть, никто никогда не увидит — разве что какой-нибудь уставший после долгого дня офисный работник или мойщик окон. Меня поймали на шестом по счету небоскребе. Я собирался разукрасить девять. Почему именно девять? А черт его знает. А теперь весь мир поймет, как я это сделал. Загадка сама собой разгадалась, а хуже всего, что меня еще и сцапали.

Впрочем, это я в тот момент так думал.

Я ожидал, что в травматологию явится мама и оторвет мне для симметрии левое ухо, но она так и не возникла. (Кстати, выяснилось, что правое ухо было на месте, да и большая часть щеки.)

Травматолог, по виду индус, пару минут изучал мое лицо под яркой лампой, затем спросил, что случилось, кивнув в сторону стоявших в проеме двух полицейских, словно подумал, что это они меня так разукрасили.

— Лицо примерзло к стене дома.

— Полил бы теплой водой, сразу бы отмерзло.